

УДК 821.161.1 : 18+81'42

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА *РЕЛИГИОЗНОСТЬ*
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX – XXI вв.**

И. В. Гладиллина, Е. Г. Усовик

Тверской государственной университет
кафедра русского языка

В статье на материале произведений классической и современной русской литературы рассматриваются особенности языковой репрезентации концепта *религиозность*, определяется его роль в языковой картине мира нации.

Ключевые слова: *языковая картина мира нации, религиозность, концептосфера, русская литература*

Многие исследователи, обращаясь к проблеме национального характера русского народа, пытаются найти неповторимое качество, отличающее его от других народов. Особое внимание при изучении русского менталитета уделяется религиозности. На протяжении почти тысячи лет она составляла сердцевину русского архетипа. XX век принес социальные катаклизмы и, как следствие, трансформацию отдельных черт русского менталитета. Подверглась ли этим изменениям религиозность?

Объективный ответ мы можем получить, если обратимся к языку как основному средству познания и его результату – языковой картине мира нации. Материалом нашего исследования стали три художественных текста – Н. С. Лесков «Очарованный странник», Л. М. Леонов «Пирамида», Ю. М. Поляков «Грибной человек», принадлежащих разным социальным периодам развития России. Концепт *религиозность* является значимым в идеологической структуре всех трех этих произведений. По данным идеографической классификации словаря В. В. Морковкина концепт *религиозность* в русском языковом сознании репрезентируется лексемами *душа, дух, вера* [2, с. 287, 292]. «Образ души» у авторов приобретает специфические эмоциональные и семантические очертания.

Душа – это дар Бога, который обретает каждый человек вместе с самой жизнью, это то, что отличает человека от животного. «Ведь я не скотина: я не без души», – говорит герой Н. С. Лескова [4, с. 6]. Душа, словно сосуд, который может быть наполнен чем угодно: и хорошим, и плохим. Русская же душа, по мнению писателя, изначально праведна. Поэтому Иван Флягин (фляга – также сосуд), даже не задумываясь, всегда совершает добрые поступки, помогает и дарит утешение всем обиженным, не ища себе в том похвалы или награды.

Встречается в «Очарованном страннике» выражение: стоя на коленях во время молитвы «душа так и порхнет вверх». В толковом словаре В. Даля дано такое определение: «Летать с трудом, плохо, летать недалеко, взлетая вскоре падать или садиться» [1, с. 503]. Глагол *порхать* имеет признак незавершенного действия, попытки. Получается, что во время молитвы душа на мгновение приближается к Богу, не покидая тело.

В «Пирамиде» Л. М. Леонова душа в основном характеризуется как нечто прилагаемое к человеку. Некоторые герои не видят в ней Божьего дара и говорят о ее существовании и образовании как о научном явлении. По словам героя Дюрсо, «...душа не более как временный импульс молекулярного химического происхождения» [3, т. 1, с. 259].

Дальнейший анализ показал, что у лексемы *душа* в контексте романа можно выделить следующие значения:

1. Эмоциональные, волевые действия и состояния: «душа живет не обладанием добытого, а подсознательным влечением к чему-то заведомо непостижимому», – приходит к сомнительным умозаключениям Никанор Шамин [3, т. 1, с. 206]. «Продать, продать...» – закричала душа Дуни Лоскутовой [3, т. 1, с. 313].

Наиболее действенной душа оказывается у о. Матвея, на долю которого выпадает доказательство вины Бога: «просыпается душа на стук ночной» [3, т. 1, с. 318], «душа нашептала» [3, т. 1, с. 393], «Рвет сердце крик души твоей» [3, т. 1, с. 45], «душа о. Матвея зажмурилась» [3, т. 1, с. 411].

2. Душа – самостоятельное образование, отделенное от человека или то, что можно у него забрать. Так, бывший дьякон Никон Аблаев, затравленный «атеистическими» подручными Шатаницкого, дает им согласие на большом рабочем собрании публично отречься от веры, от души, после чего и вовсе не сможет жить: «Когда назначено душу-то из тебя вынать» [3, т. 1, с. 43], «Аблаев понесет душу свою за паек продавать» [3, т. 1, с. 45], «ведь потом они приедут вынимать душу из меня» [3, т. 1, с. 220].

3. Нечто противопоставляемое физическому телу: «Молнии придавали душе и телу жуткий трепет» [3, т. 1, с. 52], «сколь не просится у тела душа моя» [3, т. 1, с. 56].

4. Человек как разумное существо: «Имеется ли живая душа в вигваме» [3, т. 1, с. 35].

5. То, что неотъемлемо связано с жизнью: «Кто душу положит за други своя» [3, т. 1, с. 56].

6. Душа может быть представлена как сосуд, имеющий границы: «...душа или бутылка, в обе не нальешь и капли сверх обозначенной емкости» [3, т. 1, с. 726].

В романе «Грибной царь» одно из наиболее употребительных значений – «душа – вместилище», обладающее пространственно неограниченной характеристикой: «возмутила его до глубины души» [3, т. 2, с. 65], «в пещерной глубине души хотелось, чтобы она была именно вот так, подло и непростительно, виновата перед ним...» [6, с. 383].

Душа выступает как место средоточия личных эмоций и переживаний, сокрытое от других и до конца неясное самому герою – «в темных глубинах души» [6, с. 343], причем в глубине души герой испытывает, в основном, отрицательные эмоции, о чем говорят сочетающиеся с лексемой *душа* глаголы с негативной коннотацией *возмутить*, *обидеть*, существительное *вина*.

Также в романе присутствует мотив противопоставления тела, как материального и души как некой сущности, испытывающей стыд, страдающей от земной жизни тела. При этом мотива тесной связи духовного и телесного нет: душа и тело представлены как две самостоятельные материи,

соединенные поневоле: «Все тело страдало от ночных излишеств... А душа... душа безысходно маялась утренним позором» [6, с. 12], «Насытившееся тело не передало свое умиротворение душе, которая продолжала мучиться» [6, с. 12], «свободный человек с душой раба» [6, с. 279].

Один из героев, в прошлом атеист, узнает о том, что серьезно болен. Он начинает ходить в храм и испытывает там «умиление, доводящее до чистых слез, а не иронию, как в прежние, здоровые годы» [6, с. 171], понимает, что в храме можно «надеяться на невозможное и ждать помощи от непостижимого» [6, с. 171]. Головачев говорит: «Жалко умирать с таким уютом в душе» [6, с. 171].

В словаре Д. Н. Ушакова находим следующую дефиницию лексемы уют: 1. «совокупность удобств в устройстве жилища, комнаты, комфорт: домашний уют. Мещанский уют. Создать уют в доме; 2. Удобный порядок, приятная устроенность быта, обстановки» [8, с. 1046].

Нарушение привычной сочетаемости слов уютный дом/жилище/комната – уютная душа, то есть душа – дом, может свидетельствовать об изменении мировоззрения героя, о предпочтении духовного материальному. Головачев узнает, что есть «измерение, где жизнь течет не по законам борьбы и выживания, а по законам веры, доброты и покоя» [6, с. 170].

В паре душа – сердце раскрывается несколько смыслов. Сердце и душа могут сопоставляться как две стороны психической жизни человека: «Сердце – вещун, а душа – мера». Также душа может выступать как некая сущность, управляющая сердцем: «Сердце – пестун, а душа – дядька», то есть сердце находится в подчиненном положении по отношению к душе. Сердце может и влиять на душу: «Сердце душу бережет и душу мутит». В романе сердце выступает синонимом душе: «Главное, чтобы внутренний твой человек сердцем не страдал, тогда и ты будешь здоров» [6, с. 280]. Такое отождествление может быть связано с представлением о локализации души в сердце.

Проанализировав семантическую и синтагматическую репрезентацию лексемы душа, можно сказать, что в тексте Лескова и Леонова она представлена как живая сущность, которая не только генерирует и отражает чувства, но и сама может их испытывать, функционально уподобляясь субъекту речи. Мотив разделения души и тела, души как составляющей части, которую можно убрать, появляется в «Пирамиде» Леонова, что отражает культурно-историческую ситуацию XX века. При рассмотрении значений лексемы душа в романе Ю. М. Полякова, можно выделить два основных ЛСВ:

1. Противопоставление души и тела: души как совести и души как духа;
2. Возрождение души, становящейся домом.

Дух и душа, на первый взгляд, очень похожи, и в некоторых случаях контексты с данными лексемами могут быть полностью синонимичны: дух замирает – душа замирает; дух, как и душа, может олицетворять жизнь: испустить дух – душа отлетела.

Лексемы дух и душа являются в русском языке однокоренными, но этимологически восходят к разным корням: в лат. – дух – spiritus, что означает

«движущийся воздух», «дуновение», душа – *anima*. В словаре В. И. Даля говорится о том, что дух и душа могут отождествляться и быть разграничены: «дух – бестелесное существо: обитатель невещественного, а существенного мира; бесплотный житель недоступного нам духовного мира. Относя слово это к человеку, иные разумеют душу его, иные же видят в душе только то, что дает жизнь плоти, а в духе высшую искру Божества, ум и волю, или же стремление к небесному» [1, с. 503].

Дух – та степень Божественной благодати, почивающей на человеке, которая нисходит на него в зависимости от чистоты его душевного сосуда. По мере очищения своего сердца человек способен приблизиться к высшей степени духовности – духовному совершенству, святости. Так, Иван Флягин и заканчивает свой путь в монастыре послушником. Это единственное место, где он, наконец, обретает покой и благодать, хотя поначалу и повадились бесы искушать его: при виде людей в Иване Северьяныче «дух поднимался», напоминая о былой беспокойной жизни. В этом случае слово *дух* употреблено в значении внутренней, моральной силы. Глагол *поднимался* – возвратный с собственно-возвратным значением, то есть действие производится субъектом, который является одновременно и объектом действия. Дух выступает в роли самостоятельной сущности, эмоциональное состояние которой зависит от внешних обстоятельств.

У Н. С. Лескова слово *дух* появляется в значении *исповедь*: «к отцу Илье... на дух шел» [4, с. 67], «столько лет на духу не был» [4, с. 55]. Оттого, может быть, и говорят: «Скажи, как на духу», то есть правду, как перед Богом, не таясь, честно, откровенно. В этом значении лексема *дух* встречается и в «Пирамиде»: «Скажите мне, как на духу» – обращается Матвей Петрович к ангелу Дымкову, чтобы узнать правду о его ангельском происхождении [3, т. 1, с. 625].

В тексте «Пирамиды» также встречается лексема *дух* в значении *содержание, истинный смысл* – «по духу закона», «в духе той бредовой ночи» [3, т. 1, с. 65] и в значении внутренней, моральной силы – «нет ничего грешнее, чем духом пасть», «...не падайте духом» [3, т. 1, с. 56, 57].

В романе «Грибной царь» лексема *дух* используется редко и в основном представлена в составе фразеологических оборотов: «перевел дух и улыбнулся», «остановился перевести дух». В данных примерах значение слова прямое – «глубоко вздохнуть, отдышаться, дух как дыхание». В выражении «испускает мерзкий свой дух» описано прекращение жизни человека как покидание его тела духом. Тем самым, дух, который, как и душа, является носителем жизни, тоже невидим и находится в груди человека, покидая его вместе с дыханием, с последним выдохом.

Будучи сверхъестественной субстанцией и носителем жизни, дух, подобно душе, противопоставлен телу как физической, материальной оболочке: «сочетал высокую силу духа с физическим совершенством» [6, с. 142]. В данном сочетании дух представляет внутреннюю, моральную силу.

«Господь мог бы и животный низ сделать подуховнее» [6, с. 333]. В этом выражении нас интересует образованный ошибочно дериват лексемы *духовный* – *подуховнее*, выражающий признак, который может проявляться в большей или меньшей степени. При образовании сравнительной степени

прилагательного в разговорной речи употребляется приставка *по-*, смягчающая степень проявления признака. Получается, что дух – это качество, сила, дар, которыми Господь распоряжается, наделяет в какой-либо мере.

Вера – одно из центральных понятий в картине мира любого человека, вне зависимости от того, идет ли речь о вере, вытекающей из морали или идеологии, или о вере в Бога.

Этимологически слова *вера* связывалась с ритуальным действием – давать свое сердце Богу, но это значение не получило развития, слово стало развиваться на другой основе – на осознании «договорных начал», «договорного доверия» [7, с. 52]. Исходное значение слова *вѣга*, возможно, *правда, истина*, которое сохраняется в корнях русских слов *верно, выверять*.

Иван Северьянович верит глубоко, горячо и искренне, лишь одну православную Христову веру почитает он истинной, осуждает и обличает иноверцев: «я вас всех погублю, если вы не хотите в моего бога верить» [4, с. 63], что является распространенным выражением религиозных представлений русского народа. Герою вера помогает оставаться самим собой. Ведь не принял он в плену мусульманскую веру, хотя этим мог значительно облегчить себе жизнь; сердится, если его веру не уважают: «Как же...ты смеешь на Николая Чудотворца не надеться и ему, русскому, всего двугривенный, а своей мордовской Керемети поганой целого бычка! Пошел прочь...» [4, с. 65]. А став рекрутом, герой сам просит начальство, чтобы его определили на Кавказ, где он сможет «скорее за веру умереть». В данном примере нахождение Петра Сердюкова в рекрутах имеет религиозный характер, сталкиваясь с татарами, герой, прежде всего, хочет отстоять свою веру, отдать за нее все.

У Лескова лексема *вера* представлена, в значениях «Убежденность в существовании Бога; то же, что религия», зафиксированных словарем С. И. Ожегова [5, с. 69], но вера для героя не просто религиозное чувство («идут свою веру уставлять», «за веру умереть» [4, с. 56]), это чистая, пронесенная и сохраненная в веках вера.

В «Пирамиде» Л. М. Леонова данная лексема чаще встречается в значении «убежденность, глубокая уверенность в ком, чем-либо»: «безоговорочная вера в успех», «простонародная вера в добро», «неистребимая вера ... в золотой век».

Старик Дюрсо, раскрывая способности Дымкова, убеждает его в необходимости продемонстрировать эти способности: «Чудо нужно людям как хлеб и воздух, они чахнут без чуда, порой оно нужнее хлеба, но это опасная вещь для постоянного хранения при себе ... Чудо – это когда не знаешь, как это сделано» [3, т. 1, с. 221]. Далее Дюрсо говорит, что человечеству необходима «безоговорочная вера в чудо...в земном его начертании» (здесь и далее выделено нами – И. Г., Е. У.). Таким образом, выявленная синтагматика свидетельствует о реализации в контексте у лексемы *вера* несвойственное значение «вера в магическое чудо». Если же говорить о вере, как религиозном чувстве, то необходимо отметить, что ей (вере) приписываются разные характеристики – вера как нечто прилагаемое к человеку, что можно у него отнять («предлагать веру», «власть стремилась веру вышибить», «покажи нам веру» [3, т. 1, с. 385]); представление о локализации веры («вырвать веру

предков из сердец людских» [3, т. 2, с. 60]); вера – огонь: («вспыхнувшая было вера также быстро и гасла» [3, т. 1, с. 506], «для пылания веры требуется регулярное поступление горючего» [3, т. 1, с. 556], «самовоспламеняющаяся вера»). Причастие «самовоспламеняющаяся» означает «зажигаящаяся, воспламеняющаяся самопроизвольно, в результате внутреннего нагревания». Получается, что вера – не то, что насаждается, навязывается или то, к чему принуждают, а чувство, зарождающееся в человеке самостоятельно. Таким образом, лексема *вера*, как понятие религиозное, в меньшей степени характеризуется как безусловное приятие истин, открытых Богом, как вера в бытие Божье, а в значительной степени опредмечивается.

В романе Ю. М. Полякова лексема *вера* встречается в цитате из Евангелия от Матфея. Смертельно больному Головачеву жена читает строки из «гуманитарного Евангелия», в которых говорится о женщине, поверившей, что прикосновение к одежде Иисуса исцелит ее. Так и случилось, на что Иисус ответил: «Дочь, тебя спасла вера» [6, с. 169]. В данном случае реализовано значение веры как «убеждение в существование высших сил», вера в божественное чудо.

В «Грибном царе» есть обращение к текстам Григория Богослова. Так, отец Вениамин, в прошлом Головачев, объясняет, что трупоносец – «человек без веры». Святитель Григорий Богослов писал следующее: человек, вкусивший преждевременно запретный плод и «облекся в кожаные ризы – тяжелую плоть, и стал трупоносцем» [6, с. 280], то есть человеческое тело тленно без веры и врачи никогда не смогут вылечить его. Вера представлена как живое начало, подобно душе и духу.

В сочетании *сила веры* существительное *сила*, возможно, употреблено в таком значении: «способность влиять, воздействовать». Отец Вениамин говорит, что нет смысла самостоятельно искать ответы на вечные вопросы, так как на них уже ответили отцы церкви. Главное – верить, и в вере, под ее влиянием, можно прийти ко «всеобщей Правильности».

Проведенный сравнительный анализ концепта *религиозность* в текстах Н. С. Лескова «Очарованный странник», Л. М. Леонова «Пирамида» и Ю. М. Полякова «Грибной царь» позволяет сделать вывод о том, что данный концепт отражает мировоззренческие приоритеты общества в разные временные периоды и является важным для русского менталитета. Вера в тексте XIX века представлена как религиозное чувство, это единственная, неоспоримая истина. Эта вера предков, пронесенная и сохраненная в веках, стала неотделимой частью человека праведного. В романе «Пирамида» Леонова религиозный оттенок значения утрачивается. Историческая ситуация богоборчества требует отречься от веры как от религиозного чувства – «веру вышибить», «вырвать веру»; вера чаще представлена сочетаниями, характеризующими интеллектуальные чувства и состояния – «вера в добро», «вера в успех» – или наделяется разными характеристиками, например, «вера-огонь». В тексте XXI века концепт «религиозность» раскрывается по двум разным направлениям: 1. Разграничение духовного и телесного, и не всегда между этими сферами установлена связь; 2. Присутствует мотив спасения (на примере героя Головачева). Для него спасение – это излечение от смертельной болезни и спасение – это уход от «грешной, беспощадной» жизни к жизни,

которая идет «по законам веры, доброты и покоя». Возможно, причиной таких значений является то, что литература XXI века является результатом развития литературы XX века, в который активно искореняли религиозные настроения, и, в то же время, указан вектор духовного пути, который приводит к спасению.

Список литературы

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] : в 4 т. – М. : Русский язык, 1981. – Т. 1 : А – К. – 699 с.
2. Комплексный учебный словарь. Лексическая основа русского языка [Текст] ; под ред. В. В. Морковкина. – М. : АСТ «Астрель»; Транзиткнига, 2004. – 873 с.
3. Леонов, Л. М. Пирамида [Текст] : в 2т. / Л. М. Леонов. – М. : Голос, 1994. – Т. 1. – 798 с. – Т. 2. – 684 с.
4. Лесков, Н. С. Собрание сочинений [Текст] : в 6 т. / Н. С. Лесков. Т. 3 : Очарованный странник. – М. : Правда, 1973. – 382 с.
5. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов. – М. : Советская энциклопедия, 1972. – 846 с.
6. Поляков, Ю. Грибной царь [Текст] / Ю. Поляков. – М. : РОСМЕН, 2005. – 461 с.
7. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст] / Ю. С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
8. Толковый словарь русского языка [Текст]: в 4 т. ; под. ред. М. Волина и Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1940. – Т. 1 : А – И. – 1409 с.

LANGUAGE REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF *RELIGION* IN THE WORKS OF RUSSIAN LITERATURE OF XIX - XXI CENTURY

I. V. Gladilina, E. G. Usovik

Tver State University
The department of Russian language

The article examines the linguistic representation of the concept religion is determined by its role in the nation's linguistic picture of the world on the base of the material of the classical and modern Russian literature.

Key words: *language world nation, religious, concept, Russian literature*

Об авторах:

ГЛАДИЛИНА Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: igladilina@yandex.ru

УСОВИК Елена Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: elena_usovik@mail.ru